

А. В. Жуков

О МОТИВИРОВКЕ И ВЫВОДИМОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

ANATOLIY V. ZHUKOV
ON IDIOMS MOTIVATION AND DEDUCIBILITY

В статье в свете «узкого» понимания фразеологии уточняется смысловой объём терминов «мотивировка» и «выводимость».

Ключевые слова: фразеологизм, мотивировка, выводимость, внутренняя форма, семантическая остаточность, идиоматичность.

The article covers the meaning of the terms deducibility and motivation in the narrow sense of phraseology.

Keywords: idiom, motivation, deducibility, inner form, semantic residuality, idiomaticity.

Целью настоящей статьи является уточнение понятий «мотивировка» и «выводимость» применительно к фразеологизмам, к которым мы относим фразеологические сращения и единства (по В. В. Виноградову).

Слово «выводимость» пока не приобрело терминологической чёткости, хотя и употребляется достаточно давно, начиная с классических трудов по фразеологии В. В. Виноградова, С. И. Ожегова, Н. Н. Амосовой, Д. Н. Шмелева и др. Так, например, Г. Л. Пермяков, анализируя сложные языковые знаки (от собственно фразеологизмов до басен и сказок), предельно сближает понятия мотивировки и выводимости: «Другим существенным общетекстовым признаком следует считать наличие или отсутствие мотивировки, т. е. выводимость или невыводимость общего смысла текста из смысла составляющих данный текст слов... Само отнесение текста к тому или иному паремиологическому типу зависит от характера его мотивировки» [13: 36, 37].

Пожалуй, впервые в качестве термина слово *выводимость* закрепилось в работах В. П. Жукова. Свойством выводимости, с его точки зрения, наделены в первую очередь фразеологизмы со смысловым центром, т. е. содержащие в своем составе смыслообразующие компоненты (типа на *дружеской* ноге, под *весёлую* руку). См., напр.: [7: 12, 92–94, 110].

Однако значительно чаще этому потенциальному термину приписывается более широкое значение, нацеливающее исследователя на поиск признаков семантической преемственности, связывающих исходное словосочетание с собственно фразеологизмом.

Поскольку переход от первоначального (буквального) содержания к конечному (переносному) не всегда самоочевиден, то феномен выво-

Анатолий Власович Жуков

Доктор филологических наук,
профессор, заведующий
кафедрой русского
языка Новгородского
государственного университета
им. Ярослава Мудрого
► anatoij.zhukov@novsu.ru

димости с большой долей вероятности замыкается на понятии мотивировки, т. е. объяснении того, как мог протекать самый процесс такого перехода, какие внутренние пружины способствовали подобному семантическому перерождению. Попутно в исследовательский аппарат вводится целый ряд взаимосвязанных терминов: переосмысление, метафоризация, преобразование, фразеологизация, десемантизация, деактуализация и др.

Рассуждая о своеобразии семантической природы фразеологических сращений и единств, В. В. Виноградов отмечал следующее: «Основным признаком *фразеологического сращения* является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [3: 124]. И далее: «От фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически не делимы и тоже являются выражением единого целостного значения, но в которых это целостное значение *мотивировано*, являясь произведением, возникающим из слияния значений лексических компонентов. Этого рода фразеологические целые можно назвать *фразеологическими единствами*» ([Там же: 131]; разрядка наша. — А. Ж.).

Показательна достаточно критическая реакция на приведённое высказывание В. В. Виноградова со стороны Н. Н. Амосовой. «Демотивация фразеологизма фактически приравнивается в рассуждениях В. В. Виноградова к невыводимости его общего значения из значений его компонентов. Если под выводимостью подразумевается возможность понимания значения фразеологизма на основе осмысления его мотивировки, то такая „выводимость“ в большинстве случаев есть чистейшая иллюзия» [1: 8]. Таким образом, Н. Н. Амосова склонна считать, что связь между мотивировкой (внутренней формой, мотивирующим образом) и выводимостью

носит маловероятный, непредсказуемый характер. Чуть менее категоричен Ю. С. Маслов, отмечающий, «что значение, которое слово могло бы иметь в соответствии со своей мотивировкой и словообразовательной структурой, почти всегда шире того, которое оно фактически имеет в языке» [10: 113].

Точку зрения Н. Н. Амосовой с некоторыми оговорками и уточнениями разделяет и А. Г. Назарян [12: 45–50].

Следует заметить, что сам В. В. Виноградов в уже цитируемой статье подчёркивал динамическую условность связи словосочетания-прототипа и в той или иной мере исторически мотивированного им через сопутствующий образ фразеологического оборота: «Так же, как и в словах, во фразеологических единствах образное представление, сопутствующее значению, обычно не дано, а лишь постулируется, предполагается. Оно исторически изменчиво и, конечно, не нуждается в соответствиях подлинной этимологии образа. Например: *держат в черном теле; вывести на чистую воду; отвести душу; за пояс заткнуть; поставить крест* на чем-нибудь или даже над чем-нибудь...

Внутренняя форма, лежащая в основе фразеологического единства, может быть полузабыта, почти утрачена. Но она всегда может быть вызвана к жизни. Часто происходит подстановка новой внутренней формы» [3: 129].

Суждение Н. Н. Амосовой в том или ином виде реанимируется в работах некоторых современных исследователей. См., напр.: [2: 21].

Следует, однако, особо подчеркнуть, что сам мотивирующий образ создаётся именно на базе исходного словосочетания и, тем самым, в той или иной мере зависит от семантики слов-компонентов. Так, именно относительное семантическое тождество варьируемых слов-компонентов обеспечивает образное единство оборота и в конечном счете мотивирующий и экспрессивно-оценочный эффект (ср.: *стреляный / старый воробей, бродить / блуждать в потёмках, звонить / ударять во все колокола, душа / сердце не на месте у кого, на широкую / большую / барскую ногу жить и под.*).

Кроме того, в свете рассматриваемой проблематики существенно следующее уточнение В. П. Жукова: «Между словосочетанием, лежащим в основе внутренней формы фразеологизма, и соответствующим свободным словосочетанием обнаруживаются черты сходства и различия...

Словосочетание, образующее внутреннюю форму, может видоизменяться в строго определенных пределах: такое видоизменение не должно нарушать тождество образа. Можно, например, сказать *лежать на боку*, *лежать на печи* при невозможности сказать *лежать на земле*...

Семантическая деактуализация слов происходит не в свободном словосочетании, а в словосочетании, которое формирует образную основу фразеологизма» [5: 303].

Своего рода скептицизм в отношении прогнозирующей силы словосочетания-этимона породил в свою очередь попытки отдельных фразеологов искать семантические истоки идиом не столько в самом исходном словосочетании и словах-компонентах, сколько в соответствующем культурно-историческом окружении, предполагающем учёт и углублённый анализ фоновых знаний. Появляются словари нового поколения, в которых «прослеживаются линии смысловых связей между языковым значением фразеологизма и живодействующей в нём археологией культуры, а также современные установки культуры» [14: 4].

Полезность подобных исследований, имеющих уже давнюю отечественную традицию, не вызывает сомнений. Вместе с тем достаточно очевидно, что научные штудии, исходящие из понимания идиомы как «микротекста», а её происхождение и актуальное содержание в большой мере ставящие в зависимость от лингвистического и культурологического анализа «текстового» пространства в целом, не могут не учитывать при этом и самого «контекстуального минимума», т. е. семантики базового словосочетания и его компонентов.

Справедливость сказанного доказывается объективными фактами знаковости компонентов, в силу своего рода семантической инерции сохраняющими во фразеологическом значении следы и элементы генетического содержания —

предметно-понятийного, символического, стилистического, словообразовательного, категориального и т. п. [4].

Системный характер взаимоотношений словосочетаний-прототипов и слов-компонентов, этимологического и актуального значений фразеологизма на более широком языковом фоне обнаруживается в типологии компонентов, построенной с учётом меры их семантической остаточности (маркированности) и, соответственно, степени выводимости и идиоматичности фразеологических единиц. В свою очередь, опыт «Лексико-фразеологического словаря русского языка» наглядно демонстрирует случаи реального семантического соприкосновения, пересечения и производности исходного словосочетания и фразеологизма. Наиболее убедительно это проявляется в многочисленных фактах лексико-фразеологической синонимии, доказывающих, что фразеологизм в целом и особенно отдельные его компоненты, как с пуповиной, связаны с исходным словосочетанием. Ср., напр.: *откладывать в долгий ящик* что — *откладывать* что 'отсрочивать', *склонять во всех надеждах* кого — *склонять* кого 'постоянно осуждать, критиковать', *вертеться (крутиться) как белка в колесе* — *вертеться (крутиться)* 'быть в постоянных хлопотах' [8].

В свете обсуждаемой проблемы немало важным аргументом в пользу идеи семантической преемственности словосочетания-прототипа и фразеологизма следует признать глубоко обоснованный на широком русском и славянском материале опыт структурно-семантического моделирования фразеологизмов [11: 52–90]. В исходной структурно-семантической модели, как правило, уже заложены основы мотивировки, которая впоследствии уточняется, конкретизируется применительно к отдельным фразеологическим единицам.

Конечно, не следует доводить идею выводимости до крайности, превращать в семантическую фикцию. Напомним в этой связи верное и тонкое суждение В. П. Жукова: «Фразеологизмы в языке появляются вовсе не потому, что, например, у слова *вешать* неожиданно появилось

специфическое значение ‘приходить в состояние’, а у слова *нос* — единичное значение ‘уныние’. Все эти значения присваиваются компонентам уже после того, как сформировалась фразеологическая единица... „Докопаться“ до собственного значения этих компонентов по существу невозможно. Тем более трудно сделать допущение, что подобные единицы сформировались на столь ошибкой семантической основе» [6: 288].

Вернёмся к уже цитированной вначале монографии Н. Н. Амосовой. «Если не знать значения фразеологизмов *выносить сор из избы* или *стреляный воробей*, которые, по В. В. Виноградову, являются „единствами“, то, в условиях их изоляции от речи, мы можем, отталкиваясь от одного и того же мотивирующего образа, с одинаковым основанием расшифровать первый из них как ‘наводить порядок’ или ‘облегчить душу тяжёлым признанием’, или ‘отделаться от чего-либо лишнего, ненужного’ и т. п., а второй — как ‘запуганный’ или, может быть, ‘много претерпевший человек’. Их расшифровка, соответственно, как ‘разглашать внутренние дрязги’ и ‘опытный человек’, вовсе не является единственно возможной. Если в условиях речи или определенной речевой ситуации можно понять смысл неизвестного ранее идиоматического сочетания, то действующей силой тут является не столько прозрачность его мотивировки, сколько внешние указания, идущие от контекста или ситуации» [1: 8].

То, о чем говорит Н. Н. Амосова, конечно же, справедливо, но верно также и то, что из всех возможных вариантов в акте фразеологизации предпочтение было отдано только одному и, думается, не случайно. Именно в суммарном смысловом содержании исходного словосочетания, а также в семантике самих слов-компонентов объективно присутствуют такие элементы значения, которые могут послужить основой для метафорического или иного переосмысления и преобразования.

Таким образом, исходя из определения выводимости, данного в трудах В. П. Жукова, этому термину можно придать более широкое значение, связав с типологией семантической остаточности компонентов фразеологических единиц.

В свою очередь, под мотивировкой следует понимать семантическое основание, элемент значения (сему или несколько сем — ядерных или периферийных, актуальных или потенциальных) в содержании исходного словосочетания (выступающего в качестве внутренней формы), на базе которого в той или иной мере формируется реальное фразеологическое значение. Мотивировка предполагает установление семантической связи (причинно-следственной, ассоциативной и проч.) между этимологическим и актуальным значениями фразеологизма, осознаваемой в той или иной тропеической форме (как метафора, метонимия, литота, гипербола, алогизм и т. п.). Ср. в этой связи также: [12: 47–49].

Несмотря на то, что феномены мотивировки и выводимости носят универсальный характер, их проявление на разных языковых уровнях и в единицах разной структурной и семантической природы отличается своеобразием. Более того, в пределах отдельных идиоматических групп характер и мера мотивировки и выводимости могут существенно различаться. Ср., например, в этой связи фразеологические сочетания *чреватый последствиями* и *закадычный друг*, поговорки *Что имеем, не храним, потерявши, плачем* и *Бедному жениться и ночь коротка* (устар.), пословицы *Кашу (каши) маслом не испортишь* и *Далеко кулику до Петрова дня*, пословично-поговорочные выражения *В тихом омуте (болоте) черти водятся* и *В городе (в Москве) толсто звонят, да тонко едят* (устар) и под. Особенно показательны в этом отношении пословично-поговорочные выражения, которые, подобно фразеологизмам со смысловым центром, характеризуются явно выраженной мотивировкой и выводимостью своего смыслового содержания.

Есть основания предполагать, что чем более сложной по своей структурной организации (многокомпонентной) является идиоматическое образование, тем более органично взаимодействуют в его содержании мотивировка и выводимость, и наоборот (ср. слово, словосочетание, фразеологическое сочетание, фразеологизм, поговорка, пословица, пословично-поговорочное выражение, крылатое выражение, афоризм, примета, загадка, басня и т. д.).

Табл. Семантическая классификация фразеологизмов

	Примеры фразеологизмов	Налагае- мые	Мотиви- рован- ные	Выво- димые	Мера идиоматич- ности	Тип фразеоло- гизма
1	Турусы на колёсах, приказать долго жить, очертя голову	–	–	–	Сильно идиоматичные	Сращения
2	Собаку съест, втирать очки, перебивать косточки, подложить свинью, крапивное семя	+	–	–		
3	Ломиться в открытую дверь, гранить мостовую, переливать из пустого в порожнее, белые мухи, на рыбьем меху	–	+	–	Средне идиоматичные	Единства
4	Обрасти мохом, выжатый лимон, зайти в тупик, тяжёлая артиллерия, носить на руках, белая ворона	+	+	–		
5	По пьяной лавочке, чудеса в решете	–	–	+		
6	Ветряная мельница, на дружеской ноге, другой коленкор, валять дурака	+	–	+		
7	Морской волк, на скорую руку, на краю гибели, язык хорошо подвешен	–	+	+	Слабо идиоматичные	
8	Месить грязь, первая ласточка, играть в молчанку, ставить знак равенства, оборотная сторона медали, плыть против течения	+	+	+		

В заключение приведём таблицу, в которой семантическая классификация фразеологизмов дана в свете четырех взаимосвязанных признаков — налагаемости, мотивированности, выводимости и идиоматичности. Более подробно см. в статье [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
2. Василенко А. П. Аспекты изучения внутренней формы идиом (на примерах русского и французского языков) // Современная филология: теория и практика. Матер. I междунар. научн.-практ. конф. 25–30 мая 2010 г. М., 2010.
3. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
4. Жуков В. П. О знаковости компонентов фразеологизма // Вопр. языкознания. 1975. № 6. С. 36–45.
5. Жуков В. П. Идиоматичность фразеологизма в сопоставлении с идиоматичностью слова // Избр. работы по русскому языку. Литературная и диалектная фразеология:

история и развитие. Пятые Жуковские чтения. Т. 2. Матер. Междунар. симпозиума 4–6 мая 2011 года / Сост. и отв. ред. А. В. Жуков. Великий Новгород, 2011.

6. Жуков В. П. Предисловие // Избр. работы по русскому языку. Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Пятые Жуковские чтения. Т. 2. Матер. Междунар. симпозиума 4–6 мая 2011 года / Сост. и отв. ред. А. В. Жуков. Великий Новгород, 2011.

7. Жуков В. П. Русская фразеология. М., 1986.

8. Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М., 2010.

9. Жуков А. В., Жуков К. А. К вопросу о существенных свойствах и семантической классификации фразеологизмов // Вестн. НовГУ им. Ярослава Мудрого, сер. «Гуманитарные науки». 2006. № 36. С. 55–58.

10. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1987.

11. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.

12. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1987.

13. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремииологии. М., 1988.

14. Телия В. Н. От авторов // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006.